

Евгений Кисин: «Мне приходилось играть даже в конюшне»

Знаменитый пианист признается, что не способен заниматься по 17 часов в день

Независимая - 2004
15 сент. - с. 7

Жамбы Джусубалиева
Вербье-Женева

Одним из главных событий фестиваля в Вербье стал сольный концерт Евгения Кисина. Мы встретились с Евгением на следующий день после его исполнения произведений Шопена, сонаты Метнера и сюиты Стравинского «Петрушка». Зал бушевал. Усталый и счастливый Евгений исполнил пять бисов. Легенда о Кисине сложена не только в России – пианист-виртуоз ведет замкнутый образ жизни, интервью не дает, работает по 17 часов в сутки, имеет особую манеру кланяться – словом, имеет все, чтобы его представляли нелюдким и бледным гением-эльфом, наглухо закрытым в мире музыки.

Евгений, что было вашей точкой отсчета? – Концерт Шопена, который я сыграл в 12 лет в Большом зале Московской консерватории с оркестром Китаенко.

– Вы верны Шопену и сегодня?

– Конечно, со временем я стал расширять свой репертуар, но Шопен продолжал занимать центральное место в моем репертуаре. Помню, как я последний раз встретился со Святославом Рихтером. Вообще мы с ним встречались три раза, но это были мимолетные встречи и, конечно, незабываемые. В последний раз я был на его концерте на фестивале в Шлезвиг-Гольштейне, во втором отделении он играл несколько полонезов Шопена. После концерта я к нему подошел, он уже сидел в машине. Он меня увидел и спросил: «О, вы были на концерте?» И дальше, скорчив гримасу, добавил: «И вам понравилось?» Я ответил, что, мол, конечно, очень... А он снова говорит: «Но вы же шопенист, вы, наверное, по-другому играете?» Мне, ко-

Евгений Кисин уверен, что самая душевная публика – в России. Фото Артема Житенева (ИГ-фото)

нечно же, было очень приятно. Это было в 1992 году, в маленьком городке Альтенхоф, кстати, концерт был в конюшне...

– Почему в конюшне?

– Да вот так, в конюшне у них концерты проходят... Там и лошади по сторонам стояли. И мухи летали...

– Ходит слух, что вы работаете по 17 часов в сутки!

– Вот это да! Очень интересно. Несколько лет назад одна известная звукозаписывающая фирма выпустила серию «100 лучших пианистов XX века».

Они включили туда и меня, и почему-то в аннотации было написано, что я якобы сказал, будто занимаюсь не больше четырех часов в день, а тот, кто больше занимается, – не способный и должен заниматься другим делом. На самом деле правда находится где-то посередине. А занимаюсь я в зависимости от объема работы, от предстоящего концерта, день на день не приходится. Например, сегодня мы репетировали с половины одиннадцатого до половины третьего, с перерывом по-

лучится три с половиной часа. Потом я вернулся и позанимался для себя. Завтра такой же день – час будем репетировать с Князевым, а потом три часа на квинтет, ну, и мне самому потом тоже надо будет позаниматься.

– Как вы совмещаете запись дисков и концертную деятельность?

– Я делаю всего одну-две записи в год, а концерты даю от сорока до пятидесяти в год.

– Где вы сейчас живете?

– Между Нью-Йорком и Лондоном.

– Часто ли вы выступаете в России и когда в последний раз?

– В декабре 2003-го, когда Фонд Юрия Башмета вручал мне премию Шостаковича – тогда я дал концерт. Дальше пока ничего не запланировано. В последние годы я бывал там в среднем раз в год.

– Как вы ощущаете публику в разных частях света?

– Во-первых, европейскую публику невозможно объединить под один общий знаменатель. Самая темпераментная публика в Италии, количество бисов часто зашкаливает за десять, а однажды даже пятнадцать было... Самая знающая, конечно, в Германии и Австрии – они тоже горячо принимают, бывает, даже ногами топают. Я никогда не забуду, как однажды, лет двенадцать назад, на фестивале в Киле в Германии был интересный случай. Я отыграл концерт и остался отдохнуть, меня поселили в Доме престарелых! И в конце моего пребывания меня попросили дать небольшой концерт для тех, кто там живет. Я сыграл несколько песен Шуберта и Листа. Никогда не забуду, как публика, эти бабушки и дедушки, начали подпевать. Представляете, я играю, а они подпевают! Японская публика очень отличается от всех остальных. Какими-то своими обычаями. Когда ждешь своего выхода на сцену, такое ощущение, что в зале ни одного человека – стоит гробовая тишина.

– Это помогает?

– Скорее нет, но я бывал там не раз и уже привык. В конце концерта не то чтобы взрыв, но начинают аплодировать все одновременно. И прекращают тоже одновременно. Традиция дарить цветы очень красивая, но однажды после моего концерта насчитали 110 букетов – организаторам даже пришлось запретить выносить букеты, чтобы не задерживать концерт. Вообще, цветы дарят только в Японии и России. Ладно, в Японии это традиция националь-

ная – букеты, икебана, да и деньги у японцев есть. А в России цветы стоят дорого, но тем не менее люди покупают их на последние деньги, чтобы подарить на концерте. В России не то, чтобы принимают горячее, чем в других странах, нет. В России как раз внешне не выражают своих эмоций. Конечно, я помню с детства, какая русская публика душевная, но раньше не осознавал, так как понял это недавно. Когда я ездил в Петербург полтора года назад, меня это просто потрясло. А именно то, что все-все, кто работает в зале филармонии, – буфетчицы, гардеробщицы, рабочие сцены, насколько они чувствуют себя частью того, что происходит, болеют, сопереживают, слушают репетиции не только с оркестром, но когда я в зале занимался один. Такого я нигде в мире не встречал. С другой стороны, еще в советское время люди стояли ночами в очередях за билетом, чтобы попасть на концерт. Такого тоже нигде не встретишь...

– Вы достигли такой высоты, а что же дальше?

– Что касается самого исполнения, то можно ответить, что в искусстве предела не бывает. Например, сейчас я могу все-таки больше, чем несколько лет назад. Фортепианный репертуар настолько обширен – хорошо, если всей жизни хватит все шедевры переиграть. А точнее, чтобы довести до адекватного уровня исполнения. Мне осталось гораздо больше, чем я уже сыграл, хотя обновляю свой репертуар постоянно.

– Что самое главное для творческого роста?

– Об этом в свое время хорошо сказал Софроницкий. Есть две вещи. Первое – это постоянно хотеть играть еще лучше. А второе – не утратить чувства благоговения. И Софроницкий добавлял, цитирую: «Я говорю не утратить, потому что в раннем детстве это чувство испытывают все. К сожалению, большей частью именно его утрачивают».